

УДК 94(47).083+929 Азеф

ЕВНО АЗЕФ: ПРОВОКАЦИЯ И ТЕРРОР (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

Статья посвящена исследованию феномена одной из самых злоеющих фигур революционной эпохи России, двойного агента и провокатора, «архитектора» террора – Е. Ф. Азефа. Автор, привлекая ранее не вводившиеся в научный оборот материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, проводит историко-психологический анализ личности и деятельности Евно Азефа.
Ключевые слова: Е. Ф. Азеф, провокатор, секретный агент, терроризм, Чрезвычайная следственная комиссия.

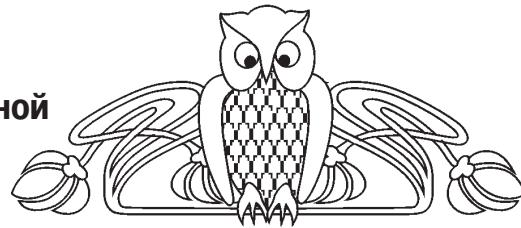
**Yevno Azef: Provocation and Terror (on Materials
Extraordinary Investigation Commission of Provisional
Government)**

Yu. V. Varfolomeev

The article discusses the phenomenon of one of the most sinister figures of the revolutionary era in Russia, a double agent and provocateur, «architect» terror – EF Azef. By using materials of the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government, holds a historical and psychological analysis of personality and activity Yevno Azef.
Key words: E. F. Azef, provocateur, secret agent, terrorism, Extraordinary Investigation Commission.

С нарастанием волны революционного террора и повышением «верхней планки» статуса его жертв стало очевидно, что покушения на высших сановников империи в первом десятилетии XX в., очевидно, были совершены при содействии чинов политической охраны, и поэтому не случайно с думской трибуны прозвучало сенсационное, но справедливое утверждение в том, что «Никто не сомневается теперь, что убийства министра внутренних дел Плеве, Уфимского губернатора Богдановича, Великого Князя Сергея Александровича, С.-Петербургского градоначальника Лауница были организованы сотрудником охраны, известным провокатором Азефом»¹. В связи с этим Чрезвычайную следственную комиссию Временного правительства (далее – ЧСК) заинтересовала не только организация и функционирование системы политического сыска, но также роль и место в революционном терроре так называемых двойных агентов-провокаторов, таких как Е. Ф. Азеф.

Между тем громкие политические убийства свидетельствовали о том, что они являются своеобразной «разминкой» боевиков, подбиравшихся к своей главной цели – императору. Думается, и сам Николай II отдавал себе отчет в этом. По словам директора Департамента полиции А. А. Лопухина,

в убийстве великого князя Сергея Александровича «император увидел приближение опасности для себя лично»². Эти опасения были вполне обоснованными. С момента принятия решения ЦК ПСР в феврале 1907 г. о восстановлении ее Боевой организации «главная и единственная задача, которую руководство партии поставило перед БО (Боевой организацией. – Ю.В.), – организация царевубийства», – уточняет К. Н. Морозов³.

Действительно, главарями террористов отработывалось множество планов царевубийства, часть из которых была провалена самим Е. Ф. Азефом, «сдавшим» их охране из тактических соображений. В то же время этот гений террора и провокации «радикально изменил методы террористической деятельности БО, – справедливо отмечает К. Н. Морозов. – Прежде всего, он отказался от создания отряда наблюдения за передвижениями жертвы. Им делалась ставка на сбор информации от людей, связанных в той или иной мере с придворными кругами»⁴. О высокой эффективности нового метода подготовки терактов свидетельствуют данные из таблиц наблюдений за высшими сановниками, членами царской фамилии и самим императором, хранящихся в фонде Б. В. Савинкова⁵.

Наряду с этим «мозговым центром» террористов – и, прежде всего, Е. Ф. Азефом и Савинковым – обдумывались различные варианты царевубийства, в том числе и самые, на первый взгляд, невероятные – как например, использование для покушения на Николая II... аэроплана или миниатюрной подводной лодки! На смену кинжалам, револьверам и бомбам шел технический прогресс. О. В. Будницкий справедливо считает, что «эсеры, исчерпав, как им казалось, возможности «традиционных» террористических методов, в 1908–1910 гг. финансировали работы по созданию аэроплана, при помощи которого планировали атаковать Царскосельский дворец или Петергоф. В 1909 г. Савинков рассматривал представленный ему проект миниатюрной подводной лодки, предназначенной для установки стокилограммовых мин, прикрепляемых к днищу корабля (речь шла, по-видимому, о царской яхте)»⁶. Савинков с гордостью говорил В. Н. Фигнер, что последнее слово науки будет отдано в руки партии на дело революции. В. М. Чернов на V Совете партии в 1909 г. убеждал в необходимости использования достижений науки в деле террора и указывал на достижения военно-инженерной мысли, ведущей уже борьбу в воздухе и под водой⁷.

Идея с аэропланом, как видно, была розовой мечтой террориста-романтика Б. В. Савинкова,

который с упоением рассказывал Вере Фигнер о строившемся в Баварии самолете. «Савинков ездил к изобретателю-инженеру Сергею Ивановичу Бухало, – вспоминала она, – был в мастерской, в которой сооружался аэроплан»⁸. Савинков, как никто другой, верил в инженера, в целесообразность и выполнимость его изобретения и мечтательно говорил Вере Николаевне, вообразив себя героем-пилотом: «“Я полечу на этом аэроплане”, – и подобно Азефу с гордостью подчеркивал, что последнее слово науки будет отдано в руки партии на дело революции. . .»⁹. В последний тираноборческий полет он планировал взять и еще одну «ласточку» террора вернее, «ястреба» – «Ивана», как он по-дружески величал Евно Азефа, для того чтобы тот таким необычным способом «восстановил» свою честь. Между тем в планы самого Азефа такой подвиг не входил, хотя он тоже поддерживал идею с авиаударом по императорской резиденции.

Аэро-планы террористов стали известны полиции. Министерство внутренних дел, всерьез оценивая опасность подобного вида терактов, 28 сентября 1909 г. издало циркуляр № 39, который устанавливал, что «воздухоплателям безусловно воспрещается совершать полеты в пределах императорских резиденций». 22 марта 1912 г. последовал очередной циркуляр МВД губернаторам (в пределах Европейской России), градоначальникам и варшавскому обер-полицейстеру, в котором, в частности, говорилось: «... в связи с возможностью терактов при помощи летательных аппаратов..., а равно и поступающих в Департамент полиции сведений, дающих основание опасаться возможности злоумышления на Священную Особу Государя Императора со стороны революционеров при помощи воздушных аппаратов, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, в случае прибытия Их Императорских Величеств в подведомственный Вам район, своевременно сделать распоряжение о полном прекращении авиаторами в пределах такового всяких полетов и вместе с тем подтвердить чинам подведомственной Вам полиции к неуклонному исполнению требования циркуляра от 21 августа 1909 года за № 135206, изданного по Департаменту полиции»¹⁰.

Противостояние власти и оппозиции с использованием провокации как средства для достижения своих целей вело к применению аморальных, а с точки зрения закона – преступных, методов борьбы, и в этой ситуации двойной агент Евно Азеф стал, безусловно, классическим и непревзойденным образчиком этого опасного явления. «Все, что касается Азефа, – справедливо отмечает Ф. М. Лурье, – потрясает глубиной падения человеческого духа. Кровь, предательство, безграничный цинизм, грязные деньги, липкая ложь создали сплошную зыбкую трясиину, в которой погребены жизни сотен людей. Единственный случай в истории русского освободительного движения, когда одно и то же лицо в течение нескольких лет одновременно занимало самое высокое положение в революционной

партии и департаменте полиции, к голосу которого внимательно прислушивались руководители политического сыска империи и лидеры революционной партии, когда одно и то же лицо одновременно руководило убийствами крупных царских администраторов и выдавало полиции членов революционной партии»¹¹.

Современники и потомки не переставали удивляться феномену этого провокатора. «Могущественнейший террорист, состоящий при департаменте полиции; довереннейший агент, организующий убийства министра внутренних дел и великого князя, – разве это не титаническая по своим внутренним противоречиям фигура, далеко выходящая за рамки человеческого и только человеческого? – размышлял лидер социал-демократов Л. Д. Троцкий. – Самые трезвомыслящие люди с каким-то психологическим сладострастием разводили руками перед проблематикой “величайшего провокатора”. У них к этому чувству даже примешивался некоторый оттенок национальной гордости. “Азефом вполне, можно сказать, утерли нос Европе”. В интернациональном обществе европейских кафе многие русские глядели в то время прямо-таки именинниками»¹². Но подобная гордость за «величайшего провокатора» оборачивалась другой стороной – становилось очевидным, что в России взаимовлияние и переплетение полицейской провокации и революционного терроризма достигло к тому времени наивысшей и самой опасной степени конвергенции, что неизбежно вело к тяжелейшим внутренним потрясениям. Апогей провокации и террора ознаменовал собой заключительный этап противостояния власти и общества, закончившийся падением самодержавия.

Как стало известно членам ЧСК из документов Департамента полиции, наиболее подходящими для привлечения к работе в агентуре считались следующие категории революционеров: арестованные по политическим делам, слабохарактерные, разочарованные или обиженные партией, а также нуждающиеся материально, бежавшие из места ссылки, ранее подвергавшиеся преследованиям и т. д.¹³ Вместе с тем вербовка революционеров царской охранкой была вынужденной и рискованной мерой. На ненадежность и аморальность таких сотрудников справедливо указал А. И. Спиридович: «Слишком развращающее действовала подпольная революционная среда на своих членов своею беспринципностью, бездельем, болтовней и узко-партийностью, чтобы из нее мог выйти порядочный чиновник, – считал жандармский дока. – Он являлся или скверным работником, или предателем интересов государства во имя партийности и революции. Были, конечно, исключения, но они являлись именно исключениями»¹⁴. Кроме того, пополнение агентурной сети тайной полиции за счет революционного подполья таило в себе серьезную опасность, так как это вело к появлению «двойных» агентов, работавших одновременно и на полицию, и на революционные организации, как, например, Е. Ф. Азеф, который «... использовал худшие при-

емы борьбы друг с другом политического сыска и революционеров, в нем произошло ядовитое «кровосмешение» этих потивоборствующих проявлений человеческой деятельности...»¹⁵, – верно констатирует Ф. М. Лурье.

В ходе расследования провокаторской деятельности комиссии заинтересовал вопрос, касающийся того, что в ЦК партии эсеров, признававшейся тогда преступной, в течение целого ряда лет находился «агент Герасимова» – Азеф, и с этой точки зрения, не является ли преступной и деятельность того самого учреждения, в котором служил двойной агент. Однако директор Департамента полиции М. И. Трусевич в ходе допроса, не вдаваясь в расшифровку этой коллизии, резонно парировал: «... департаменту полиции нужно было либо отказаться от борьбы с террором, либо остаться при тех средствах, которые были выработаны практикой в течение многих лет»¹⁶. Тогда председатель следственной комиссии Н. К. Муравьев попытался образно и саркастически конкретизировать эту «практику» Департамента полиции: «Т. е. оставаться при Азефах больших и маленьких? <...> Так что, по вашему мнению, в настоящий момент нет государства, которое не имело бы на своей службе Азефов и не совершало убийств очень высоких должностных лиц при участии, содействии или, по крайней мере, с ведома своего агента, получающего за это деньги?»¹⁷

Однако и Трусевич считал, что «участие в таких действиях, это такое ненормальное явление, которое ни с какой точки зрения не может быть терпимо», и в доказательство своей позиции отмечал: «Если взять положение департамента полиции во Франции, то там – то же самое, у них те же сотрудники в анархических организациях, потому что там идет борьба с анархией. Возьмем самую упрощенную форму государственного строя – вольный город Гамбург. Я перед реформой полиции осведомлялся: там ведут борьбу с легализованными обществами, которые подрывают существующий там строй, и точно так же там есть люди, состоящие в этих обществах и доставляющие сведения»¹⁸.

Как сообщил Чрезвычайной следственной комиссии бывший министр внутренних дел А. А. Макаров, секретные сотрудники были или у начальников губернских жандармских управлений или, главным образом, у начальников охранных отделений. «У начальников губернских жандармских управлений они были, главным образом, в тех губерниях, в которых охранных отделений не было, – пояснял он. – Но главное сосредоточение секретных сотрудников было у начальников охранных отделений <...> они пользовались секретной агентурой в гораздо большей степени»¹⁹. Поэтому руководство МВД, как правило, не знало о конкретных агентах, и, в частности, о деятельности Азефа до его разоблачения, и разгоревшемся в связи с этим скандале. «Об Азефе я узнал незадолго перед тем, как разыгралась вся эта история с его разоблачением и его провалом, с речью Столыпина в Государственной Думе, – признался Макаров. – Незадолго перед этим. <...> Я относился

к этому в высокой степени отрицательно, раз я узнал, что Азеф принимал участие в таких действиях, как действия террористические. Но в то время Азеф из нашей сферы уже вышел, потому что в качестве провалившегося агента он исчез»²⁰. В итоге за деятельность агента-провокатора ответственным оказался только один человек – Герасимов, «потому что Азеф не был никогда ни в каких сношениях с департаментом полиции, – пояснял А. А. Макаров, – а Герасимов скрывал Азефа. Он один сносился с ним»²¹.

С 1906 г. руководителем Азефа почти эксклюзивно был действительно Герасимов. Для охраны это был «дорогой» трудник – ему платили от 500 до 1000 руб. в месяц. «В конце 1906 года он был за границей, отсюда он сообщил мне о том, что в Финляндии есть группа лиц, которые замышляют покушение на градоначальника фон-дер-Лауница, – рассказал на допросе в ЧСК Герасимов. – В Финляндии мы не могли наблюдать, – финляндские власти нас выгоняли. Известно только, что эта группа жила на Имагре и что Лауниц был убит. Потом, в 1907 г., он дал сведения о том, что он знал от одного своего знакомого: что проживающий в Петербурге лейтенант Никитенко ищет связей и организует покушение в Царском Селе посредством охраны. Затем он сказал, под какой фамилией живет Чайковский»²².

В охране очень дорожили таким ценным агентом, как Азеф, потому что он «... был близок к боевому делу, и, если бы надо было, ему не только тысячу, но и пять тысяч заплатили бы»²³, – подчеркивал руководитель охраны. В то же время из показаний Герасимова у членов комиссии сложилось впечатление, что Азеф «ничего не делал», и тот, как ни странно, с этим согласился. Прайсман: «С мая 1906 г. Азеф верой и правдой служил русским властям. Курс П. А. Столыпина его полностью устраивал, погромы прекратились, его престиж в руководстве партии был очень высок, деньги шли как от Герасимова (1000 руб. в месяц), так и из кассы БО. Благодаря совместной деятельности Азефа и Герасимова все усилия Боевой организации по осуществлению покушения на Столыпина были парализованы и она была распущена в октябре 1906 г. Азеф сообщил Герасимову, где находится штаб-квартира Центрального боевого отряда партии эсеров, что помогло арестовать Л. Зильберберга и В. Сулятицкого. Азеф подробно рассказал Герасимову о покушении на царя, готовившемся новым руководством отряда во главе с Б. Никитенко...»²⁴.

В деле разоблачения Евно Азефа решающую роль сыграл бывший директор Департамента полиции А. А. Лопухин, который в начале 1908 г. сообщил о службе в тайной полиции этого агента сначала журналисту В. Л. Бурцеву, а затем 10 декабря в Лондоне – членам ЦК партии эсеров: В. М. Чернову, Б. В. Савинкову и А. А. Аргунову. По возвращении из Лондона 19 января 1909 г. Лопухин был арестован и предан суду Особого Присутствия Правительствующего Сената (далее – ОППС) с участием сословных представителей по обвинению в «оказании партии с.-р.-ов существенного содей-

ствия» в разоблачении Азефа. Между тем бывший министр юстиции И. Г. Щегловитов на допросе в ЧСК отметил: «при возникновении этого дела у меня были сомнения относительно состава преступления, по тому обвинению, которое предъявлялось <...> Весь вопрос, конечно, сводился к тому: можно ли в этом разоблачении, если таковое действительно имело место, можно ли в нем усматривать наличность признаков преступления?»²⁵.

Лопухин объяснил свой поступок желанием пресечь террористическую деятельность двойного агента. В то же время, размышляя над тем, почему именно Лопухин изобличил «великого провокатора», М. А. Алданов отмечает: «Многое непонятно в карьере и в характере А. А. Лопухина. Две черты бросались в глаза при самом поверхностном с ним знакомстве. По взглядам, по самому складу ума, по окружению он был либералом; по происхождению, по внешности, по привычкам он был аристократом. И обе эти черты не вязались с большой и значительной полосой в его сложной биографии. Русские либералы слышать не могли о Департаменте полиции; русские аристократы относились к этому учреждению с некоторой осторожностью, предоставляя службу в нем людям незначительного рода. А. А. Лопухин, человек передовых взглядов, носитель одной из самых громких фамилий в России, был директором Департамента полиции в самую реакционную пору – при Плеве»²⁶.

Безусловно, Лопухин как директор Департамента полиции по должности знал многих революционеров. Знал, конечно, и секретных сотрудников. «Среди них у него были “особенно прочные антипатии”, – отмечал с его слов М. А. Алданов. – И наиболее прочной был Азеф, самый вид, которого вызывал в нем отвращение. Догадывался ли он о настоящей роли Азефа? Конечно, не догадывался, как не догадывался тогда никто другой. <...> Вероятно, Лопухин просто старался об этом не думать. Психология его была психологией высшего офицера, ведающего в военное время контрразведкой. С революционерами велась война, – начальнику контрразведки некогда думать о побуждениях и методах своих и чужих агентов. Это не мешает признавать пределы, из которых выходить нельзя»²⁷.

По мнению М. А. Алданова, решающее значение для Лопухина в его решении разоблачить провокатора, имели слова В. Л. Бурцева о цареубийстве, которое готовил «Раскин» (кличка Е. Ф. Азефа. – Ю.В.), и об ответственности за ту кровь, которая еще будет им пролита в будущем. «Как бы то ни было, – считает Алданов, – после шести часов разговора, уже перед самым Берлином, А. А. Лопухин разбил свою жизнь, сказав Бурцеву, что инженер Азеф – тайный агент Департамента полиции»²⁸. Разбив свою, Лопухин спас десятки, а может и сотни других жизней, попавших в перекрестье прицела террористических акций Азефа. Власти же, в том числе и Николай II, которого, по сути, так же как и многих других, Лопухин спас от несостоявшихся злодеяний террориста-прово-

катора, усмотрели в действиях бывшего директора Департамента полиции чуть ли не предательство государственных интересов. На одном из докладов министра юстиции, который предшествовал судебному рассмотрению этого дела, император выразил пожелание: «Надеюсь, что будет каторга»²⁹, а когда последовала резолюция ОППС, согласно которой Лопухин был приговорен к лишению всех прав состояния и высылке на каторжные работы сроком на 5 лет, Николай II не удержался от восклицания: «Здорово!»³⁰

Правда, впоследствии общее собрание Сената заменило ему каторгу ссылкой на поселение в Сибирь, которую он отбывал в Красноярске. Высочайшим повелением от 4 декабря 1912 г. Лопухин был помилован и восстановлен в правах. Личную драму Лопухина, как отражение противостояния либеральной интеллигенции и нечистоплотных радикалов, очень точно отобразил М. А. Алданов: «Бывший директор Департамента полиции, близкий сотрудник Плеве, был русский интеллигент, с большим, чем обычно, жизненным опытом, с меньшим, чем обычно, запасом веры, с умом проницательным, разочарованным и холодным, с навсегда надломленной душой»³¹.

После громких разоблачений Азефа И. Г. Щегловитов неоднократно указывал председателю совета министров П. А. Столыпину на необходимость более детального и полного разбирательства этого дела. Между тем, по информации патрона Азефа³² – бывшего начальника С.-Петербургского охранного отделения – А. В. Герасимова, Столыпин всегда интересовался организацией агентурной работы внутри Боевой организации эсеров. По словам Герасимова, после его ухода и окончательного провала Евно Азефа Столыпин «...не хотел оставлять боевого дела без сотрудников. Потому что департамент полиции и Столыпин были заинтересованы, чтобы сотрудники были в боевом деле»³³. Другими словами, он всегда интересовался делом освящения этой боевой организации и был в курсе дела Азефа.

Каким образом Азефу удавалось водить за нос и эсеров, и охранку, и при этом оставаться крайне ценным и непорочным сотрудником и для тех и для других? Л. Д. Троцкий очень точно описал схему его беспроектной деятельности: «Тех, которые выдвигались против него или работали помимо него, он выдавал; это было естественным, почти рефлекторным жестом самообороны; а в результате – рост азефского авторитета в обоих лагерях. После слишком крупных выдач он – возможно, что с ведома своих ближайших контрагентов справа – давал совершиться таким террористическим актам, которые должны были упрочить его позицию пред лицом его контрагентов слева. Это снова развязывало ему руки для выполнения его полицейских обязательств. Он предавал, а за его спиной работало его начальство, направлявшее все свои усилия на то, чтобы сохранить своего

«сотрудника», и замести за ним следы. И шпион поднимался вверх с силой почти фатальной»³⁴.

Деятельность Азефа распространялась не только на Петербург, но и на всю Россию, и он был обязан освещать деятельность эсеровского боевого центра, «но мы не были гарантированы от каких-либо шантажей, – уточнял А. В. Герасимов. – Тут едва ли может быть какая-нибудь сделка, – тут все идет на веру. Ему оказывают доверие, но он может говорить правду, может и наврать. У нас нет ничего регулирующего. Он нам дает сведения, и эти сведения подтверждаются, для этого у нас есть наружные наблюдения. Если наружные наблюдения проверяют его сведения, они приобретают значение, а если бы он не дал никаких сведений, то это на его душе грех. Тут мы ничего не можем сделать»³⁵.

В ходе допроса председатель ЧСК Муравьев попросил руководителя столичной охраны объяснить такой парадокс: у тайной полиции есть ценный агент в революционной организации, а террористические акции продолжаются, например, покушения на С. К. Гершельмана, А. А. Рейнбота, Ф. В. Дубасова. На что Герасимов парировал: «В Москве была своя агентура». Таким образом, внутри Департамента полиции не было не только координации и согласованности, но, подчас, некоторые структуры МВД соперничали между собой и даже вступали в противодействие. Кроме того, как оказалось, Азеф сообщал своему полицейскому шефу Герасимову, как правило, «только 10% своих сведений»³⁶. ЧСК заинтересовалась также перепиской Азефа и Герасимова, но последний разочаровал следствие, заявив: «10 лет тому назад, я все уничтожил. У меня ни клочка не осталось от моей деятельности. Я все забыл. Мне противно вспоминать свою деятельность»³⁷.

Бывший московский градоначальник А. А. Рейнбот (Резвой) также ничего толком не смог рассказать о существовании секретного сотрудника Азефа и заявил, что лично он «... от этого дела старался держаться дальше, потому что это дело их – покупать себе шпионов... А какой-то шпион был – я не интересовался... Только, когда докладывали, я всегда требовал от них, чтобы давались основания для того или другого ареста, потому что нельзя так себе арестовать <...> Но лично, кто из шпионов докладывал, я обыкновенно не знал. Я узнал об этой самой Жученко в самом конце службы в градоначальстве; а относительно Азефа, я повторяю, узнал только из газет, когда был запрос в Думе. Затем, позвольте еще: когда было покушение на меня на Тверской, то, должно быть, через неделю, через две. Я из агентуры узнал, что покушение было при участии, кажется, Рысса»³⁸. Потом, я знаю, в этот самый Рысс покушался на Коттена в Париже»³⁹.

Самым удивительным в провокаторской «работе» Азефа было то, что в течение 16 лет он так и не был разоблачен партийными товарищами, хотя несколько раз был очень близок к провалу. То, что он не попадался, служило, по мнению Л. Д. Троц-

кого, «лучшим доказательством его из ряду вон выходящей выдержки. Как, однако, понимать это сакраментальное “не попадался”? Значит ли это: не делал промахов, по крайней мере грубых? Или же это надо понимать просто в том смысле, что и самые грубые промахи в тех условиях, какие создались вокруг Азефа, неспособны были погубить его? Вот где корень всего вопроса. И стоит подойти к загадке с этой стороны, чтобы сразу бросилось в глаза одно поистине поразительное обстоятельство: почти во все продолжение карьеры Азефа по пятам за ним шли слухи и прямые обвинения в провокации. Еще в Дармштадте, где Азеф был студентом, один из профессоров отзывался о нем в частном разговоре словами: “dieser Spion” (“этот шпион”))»⁴⁰. Знал бы этот немецкий профессор, что он намного лет предвосхитил своей проницательностью относительно Азефа и революционеров, и Департамент полиции.

Подозрения против Азефа в разное время высказывали соратники по партии: Н. И. Крестьянинов, Н. А. Мельников, С. Рысс, Я. Л. Делевский, В. К. Агафонов, Н. С. Тютчев, А. Д. Трауберг. Впервые Азеф был обвинен в провокации в 1903 г. Затем в начале 1906 г. ЦК партии эсеров получает информацию о провокаторской деятельности Азефа уже от агентов саратовской охраны, а осенью этого же года подобные сведения поступают от сотрудника охраны из одного южного города. Осенью 1907 г. становится достоянием партийных функционеров так называемое «саратовское письмо», в котором содержались совершенно определенные факты, причем легко поддававшиеся проверке, уличавшие Азефа в провокации. И наконец, после всего этого В. Л. Бурцев провел в 1908 г. свою разоблачительную кампанию против Азефа, которая, однако, встретила отчаянное сопротивление и непонимание со стороны руководящих фигур партии. Вожди партии, от Гершуни⁴¹ и Натансона до Чернова и Савинкова, отнеслись пренебрежительно к таким обвинениям. За это, кстати, их впоследствии всячески поносили в разных революционных и нереволюционных кругах. «Хороша же партия, где подобные субъекты могут вращаться шестнадцать лет»⁴²,⁴³, – саркастически заметил по этому поводу адвокат А. А. Лопухина А. Я. Пассовер.

Задумываясь над неуловимостью и живучестью двойного агента, соратники и противники пытались приписать его успехи проявлению чуть ли ни дьявольской природы. Еще Г. А. Гершуни в свое время создал вокруг себя полумистический ореол в глазах однопартийцев. Азеф унаследовал от него этот ореол вместе с постом руководителя боевой организации. Однако совершенно очевидно, что «...не в дьявольской ловкости крылась тайна азефского успеха и никак не в его личном обаянии, – рационально рассуждал Л. Д. Троцкий. – Тайна азефщины – вне самого Азефа; она – в том гипнозе, который позволял его сотоварищам по партии вкладывать перст в язвы провокации и – отрицать эти язвы; в том коллективном гипнозе,

который не Азефом был создан, а террором, как системой»⁴⁴.

Отказывались верить в измену своего лучшего осведомителя и профессионалы сыска. Л. Н. Ратаев сокрушенно писал директору Департамента полиции Н. П. Зуеву: «Ты один, может быть, поймешь, как тяжело было для меня прийти к убеждению в предательстве Азефа... Он дал мне столько осязательных доказательств своей усердной службы, сведения его отличались всегда такой безукоризненной точностью, что мне казалось чудовищным, чтобы при таких условиях человек мог быть злодеем и дважды предателем»⁴⁵. Точно так же бывший начальник Петербургского охранного отделения А. В. Герасимов через много лет после разоблачения своего подопечного отмечал, что если бы он не имел в годы Первой русской революции своим сотрудником такого человека, как Азеф, то «...политической полиции, несмотря на все ее старания, почти, наверное, не удалось бы так успешно и так систематически расстраивать все предприятия террористов. А трудно представить, что случилось бы с Россией, если бы террористам удалось в 1906–07 годах совершить 2–3 удачных «центральных» террористических акта <...> Если бы в дни Первой Государственной думы был бы убит Столыпин, если бы удалось покушение на Государя, развитие России сорвалось бы гораздо раньше. Заслуги Азефа в деле борьбы против революционного террора – огромны»⁴⁶.

Несмотря на то что Герасимов ближе всех соприкасался со своим секретным агентом, с трудом верится в особые заслуги этого провокатора по предотвращению выдающихся терактов того времени. Думается, М. А. Алданов ближе всех подошел к разгадке феномена Азефа. «В развинченной душе Азефа по необходимости существовали два мира: мир социалистов-революционеров и мир Департамента полиции, – писал он. – Ни один из этих миров не был его собственным миром. И в обоих он, конечно, должен был всегда чувствовать себя дома. Его тренировка в этом смысле граничит с чудесным. Азефа выдали *другие*; сам он ничем себя ни разу за долгие годы не выдал. В каждом из миров своей двойной жизни он позволял себе и роскошь оттенков. Говорили мне, что этот человек, – переходная ступень к удаву – очень любил музыку, музыку кабаков, и кафе-концертов: слушал будто бы с умилением и восторгом. Может быть, немного и дурел, как змеи от флейты?»⁴⁷. Но больше всего удав террора и провокации «дурел», надо думать, от очередного политического убийства, удачно организованного им.

Вместе с тем, громкое и скандальное разоблачение двойного агента-провокатора имело негативные последствия не только для партии эсеров, серьезно подмочившей свою революционную репутацию, но и для власти. «Разоблачение Азефа имело тяжелые последствия и для правительственного лагеря, – отмечает Л. Прайсман. – Газеты всего мира обвинили русское прави-

тельство в том, что все покушения последних лет проходили под руководством правительственных агентов. Это вело к падению престижа русского государства во всем мире»⁴⁸. Разоблачение Азефа, убийство А. А. Петровым 19 декабря 1909 г. начальника Петербургского охранного отделения полковника С. Г. Карпова и убийство агентом Киевского охранного отделения М. Г. Богровым П. А. Столыпина привели руководителей Министерства внутренних дел России в какой-то мистический ужас перед тайными сотрудниками и неуправляемой системой тотальной провокации. После убийства Столыпина ситуация в Департаменте полиции кардинальным образом изменилась. Теперь организаторы политического сыска уже не видели в используемых ими тайных агентах самое надежное средство борьбы с революцией.

Проводником новых тенденций стал назначенный в 1913 г. товарищем министра внутренних дел В. Ф. Джунковский. Он резко отрицательно отзывался об охранке: «Все эти районные и самостоятельные охранные отделения были только рассадником провокации; та небольшая польза, которую, быть может, они могли бы принести, совершенно заглушевывалась тем колоссальным вредом, который они сеяли в течение этих последних лет»⁴⁹. Если с 1902 по 1908 г. число охранных отделений выросло с 3 до 31, то циркуляром министра внутренних дел от 15 мая 1913 г. были ликвидированы восемь охранных отделений, а осенью 1913 г. такая же судьба постигла и все остальные, за исключением Московского, Петербургского и Варшавского. При этом резко сократилось число тайных сотрудников. Ярким свидетельством нового отношения к ним стала история лучшего агента Департамента полиции в рядах социал-демократов – председателя думской фракции большевиков в 3-й Думе Р. В. Малиновского, которого Джунковский заставил уйти из Думы, так как не мог допустить, чтобы «членом Думы было лицо, состоящее на службе в ДП»⁵⁰.

Таким образом, Февральскую революцию Департамент полиции встретил практически без широкой сети секретной агентуры. «Может быть, это одно из главных последствий дела Азефа»⁵¹, – делает обоснованный вывод Л. Прайсман.

Примечания

- 1 Убийство Столыпина : Свидетельства и документы. Рига, 1990. С. 225.
- 2 Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М. ; Пг., 1923. С. 60.
- 3 Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 379.
- 4 Там же. С. 381.
- 5 ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 372. Л. 1.
- 6 Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 168.

- ⁷ См.: Морозов К. Н. Указ. соч. С. 376, 423–426.
- ⁸ Фигнер В. Н. Полн. собр. соч. : в 6 т. Т. 3. М., 1929. С. 293–294.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 401. Л. 75–75 (об.).
- ¹¹ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы : Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1992. С. 294.
- ¹² Троцкий Л. Д. Сочинения : в 9 т. Т. 8. М. ; Л., 1926. С. 89.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 87–88.
- ¹⁴ Спиридович А. И. При царском режиме // Архив русской революции : в 22 т. Т. 15. М., 1993. С. 128.
- ¹⁵ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы : Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1992. С. 294.
- ¹⁶ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства в 1917 г. : в 7 т. М. ; Л., 1924–1927. Т. 3. С. 217.
- ¹⁷ Там же. С. 217–218.
- ¹⁸ Там же. С. 218.
- ¹⁹ Там же. Т. 2. С. 93–94.
- ²⁰ Там же. С. 103.
- ²¹ Там же. С. 103.
- ²² Там же. Т. 3. С. 14.
- ²³ Там же. С. 15.
- ²⁴ Прайсман Л. Феномен Азефа. URL: <http://www.memo.ru/history/terror/preisman.htm> (дата обращения: 28.05.2013).
- ²⁵ Падение царского режима. Т. 2. С. 400.
- ²⁶ Алданов М. А. Азеф. URL: <http://ldn-knigi.narod.ru> (дата обращения: 28.05.2013).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Падение царского режима. Т. 2. С. 401.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Алданов М. А. Указ. соч.
- ³² А. В. Герасимов «принял» Азефа под свое кураторство по приказу П. Н. Дурново и настоянию заведующего заграничной агентурой Департамента полиции П. И. Рачковского в 1906 г.
- ³³ Падение царского режима. Т. 3. С. 13.
- ³⁴ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 124.
- ³⁵ Падение царского режима. Т. 3. С. 15.
- ³⁶ Там же. С. 16.
- ³⁷ Там же. По свидетельству М. А. Алданова, переписка Е. Ф. Азефа и А. В. Герасимова сохранилась и находится в неизданном архиве В. К. Агафонова.
- ³⁸ Рысс Соломон, кличка «Мортимер», с.-р., максималист. В июне 1906 г. при содействии тайной полиции бежал из Киевской тюрьмы, после чего с ведома своих соратников М. И. Соколова («Медведя») и Н. Климовой стал сотрудничать с Департаментом полиции, давая ложную информацию и скрывая подготовку взрыва дачи П. А. Столыпина и экспроприацию в Фонарном переулке.
- ³⁹ Падение царского режима. Т. 6. С. 125.
- ⁴⁰ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 127.
- ⁴¹ В конце 1907 г. Г. А. Гершуни, уже тяжелобольной, узнав, что Евно Азеф обвиняется в провокаторстве, хотел поехать в Россию и вместе с ним совершить убийство Николая II, чтобы подобным образом реабилитировать своего преемника.
- ⁴² Указывая 16 лет провокаторской деятельности Е. Ф. Азефа, адвокат А. Я. Пассовер, скорее всего, имел в виду весь период его работы в качестве секретного сотрудника полиции, куда он был принят в 1892 г. (Подробнее см.: П. А. Столыпин. Речь о деле Азефа, произнесенная в Государственной Думе 11 февраля 1909 года // П. А. Столыпин. Нам нужна великая Россия. М., 1991).
- ⁴³ Цит. по: Алданов М. А. Указ. соч.
- ⁴⁴ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 130.
- ⁴⁵ Из истории политического сыска в России // Из глубины времен. СПб., 1992. С. 49.
- ⁴⁶ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 141–142.
- ⁴⁷ Алданов М. А. Указ. соч.
- ⁴⁸ Прайсман Л. Указ. соч.
- ⁴⁹ Из истории политического сыска в России. С. 54.
- ⁵⁰ Дело провокатора Малиновского // Протоколы заседания революционного трибунала при ВЦИКе. М., 1992. С. 189.
- ⁵¹ Прайсман Л. Указ. соч.

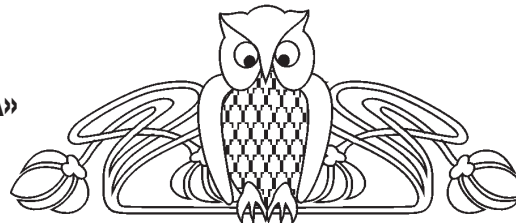
УДК 94(47)»1905/1907»

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА «ГЕРОЯ-ТЕРРОРИСТА» В ХОДЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НАД ЭСЕРАМИ В 1905 ГОДУ

С. В. Мосолкин

Саратовский государственный технический университет
E-mail: MosolkinSV@mail.ru

В статье рассмотрен механизм создания образа «героя-террориста» из числа членов партии социалистов-революционеров на

судебных процессах в 1905 году. Проанализировано влияние этого образа на российскую культуру. Автор приходит к выводу об исторической обреченности политического террора и его несостоятельности в качестве средства решения политических задач. **Ключевые слова:** революционный терроризм, партия социалистов-революционеров, национальная безопасность, регулятивная функция культуры.